

Библейская и Церковная исторія въ духовныхъ семинаріяхъ.

Есть основанія предполагать, что въ недалекомъ будущемъ готовится реформа духовныхъ семинарій. Были слухи, что проектъ новыхъ семинарскихъ программъ уже лѣтомъ былъ разосланъ въ Петербургъ временнымъ членамъ Святѣйшаго Синода. Пока не пробилъ послѣдній часъ въ этомъ дѣлѣ, мы имѣемъ нравственную обязанность повѣдать о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится считаться преподавателю Библейской и Церковной исторіи въ семинаріи, и которыя желательно было бы или устранить совершенно, или же подвергнуть измѣненіямъ. Въ повременной печати касательно указанныхъ предметовъ согласно высказываются два требованія: исключеніе изъ состава семинарскихъ предметовъ библейской исторіи и перенесеніе изъ III и IV въ старшіе классы (по прежнему уставу 1867 года) общей церковной исторіи. Въ нижеслѣдующей рѣчи мы попытаемся дать обоснованія для того и другого требованія.

I. Исторія Библейской исторіи, какъ предмета въ духовной семинаріи, напоминаетъ намъ судьбу пріемныхъ экзаменовъ при переходѣ изъ духовнаго училища въ семинарію. Ихъ то вводили, то уничтожали, то опять узаконяли, для того чтобы, наконецъ, убѣдиться въ полной ихъ несостоятельности и отмѣнить окончательно. Хочется вѣрить, что и съ Библейской исторіей будетъ тоже самое. Какъ учебный предметъ въ семинаріи, она впервые появляется въ 1838 году и существуетъ до 1867 года. Упраздненная въ эту пору, она опять воскресаетъ по какимъ то неизвѣстнымъ намъ соображеніямъ въ 1884 году, когда произведена послѣдняя духовно-

учебная реформа, и благополучно доживаетъ до настоящаго времени, не смотря на неоднократные противъ нея протесты.

Странное впечатлѣніе производитъ и программа Библейской исторіи и объяснительная къ ней записка. Вопреки общему обычаю, мы не находимъ въ программѣ предварительныхъ свѣдѣній о наукѣ, ея задачѣ, значеніи, источникахъ. Программа начинается *ex abrupto*— съ сотворенія міра и далѣе слѣдуетъ въ обычномъ порядкѣ исторія ветхаго завета, раздѣленная на девять періодовъ. Отличіе ея отъ обыкновенныхъ священныхъ исторій, изучаемыхъ въ духовныхъ училищахъ и младшихъ классахъ гимназій, состоитъ только въ дополнительныхъ отдѣлахъ въ каждомъ періодѣ, разсуждающихъ ученіе вѣры и благочестія и лѣтосчисленіе изслѣдуемой эпохи. За исключеніемъ этого, можно указать всего пять-шесть вопросовъ, которые выходятъ за предѣлы программы священной исторіи. Но если ветхозавѣтной исторіи удѣляется достаточно вниманія, то этого отнюдь нельзя сказать о новозавѣтной. Въ программѣ первой отведено семь страницъ, второй одна и то далеко не полная. Получается впечатлѣніе, что объ этой послѣдней какъ будто совсѣмъ забыто было и вспомнили объ ней такъ—мимоходомъ. Какими соображеніями руководствовались составители въ этомъ отношеніи, для насъ—да, вѣроятно, и не для однихъ насъ—остается тайной. Мы не умѣемъ сказать, учебникъ ли составлялся по программѣ, или программа по учебнику. Если послѣднее, то дѣло нѣсколько объясняется. Въ первоначальномъ учебникѣ („Начертаніи Библейской исторіи“ Арх. Филарета) ветхозавѣтной исторіи отведено 349 страницъ, тогда какъ новозавѣтной, кончая вознесеніемъ Іисуса Христа, всего только 30 страницъ. Правда, въ программѣ есть слишкомъ общія рубрики: 1) „дѣла и ученіе Іисуса Христа отъ первой до второй Пасхи; 2) отъ второй до третьей; 3) отъ третьей до торжественнаго входа въ Іерусалимъ“. Сюда, конечно, можно втиснуть слишкомъ много матеріала, но съ другой стороны, если соразмѣрять эти рубрики съ остальной пунктуацией программы, то дѣло можно слишкомъ ограничить, свести все къ простому перечню событій, какъ это и сдѣлано у митрополита Филарета... Еще одно недоразумѣніе. Библейская исторія, какъ показываетъ самое названіе, должна изслѣдовать судьбы Церкви Божіей въ *предѣлахъ Библии*. Такъ

понималъ дѣло и митропол. Филаретъ, закончившій свое начертаніе исторіей апостольской церкви, также поступилъ въ своей библейской исторіи и профессоръ Лопухинъ. Между тѣмъ программа почему то оканчивается вознесеніемъ Іисуса Христа. Впрочемъ, исторія церкви Апостольской отнесена въ программу общей Церковной исторіи, но для выдержанности принципа ей слѣдовало бы *по настоящему положенію вещей* быть на своемъ мѣстѣ, т. е. въ библейской исторіи, а общая церковная исторія могла бы ограничиться лишь бѣглымъ обзоромъ этой исторіи и начинаться изображеніемъ жизни церкви послѣ—апостольскаго времени.

Отъ программы переходимъ къ объяснительной запискѣ. Откровенно признаемся, что мы плохо понимаемъ эту записку. Съ одной стороны минимальность научныхъ требованій, съ другой—слишкомъ серіозная задача. „Наставники семинарій должны преподавать Библейскую исторію, какъ исторію Божественнаго домостроительства спасенія человѣка.... Преподаватели должны останавливать вниманіе учащихся преимущественно на тѣхъ фактахъ, въ которыхъ наяснѣйшимъ образомъ открывается съ одной стороны безсиліе человѣка въ дѣлѣ его спасенія и сила вѣры людей, съ другой—спасающая сила Промысла Божія и Божественное руководство ветхозавѣтнаго человѣка ко Христу“. Приведенныя выдержки изъ записки показываютъ, что къ Библейской исторіи предъявляются большія требованія. Это не простое послѣдовательное, вполне научное обозрѣніе важнѣйшихъ фактовъ Библии, а систематизація библейскаго матеріала подъ однимъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Это не просто исторія, а скорѣе философія библейской исторіи, которая мѣстами граничитъ съ библейскимъ богословіемъ. Что тутъ преслѣдуется больше, чѣмъ одно только элементарное освѣщеніе фактовъ, это видно изъ дальнѣйшихъ требованій объяснительной записки. „Для болѣе яснаго усвоенія учениками богословскихъ положеній, которыя даютъ смыслъ и отдѣльнымъ фактамъ и цѣлымъ періодамъ священной исторіи ветхаго завѣта, преподаватели обращаютъ особое вниманіе на обозрѣніе вѣроученія и богоправленія въ изучаемый періодъ времени. Для болѣе цѣльнаго представленія учениками всего дѣла нашего спасенія,... рекомендуется преподавателю при повтореніи евангельской исторіи заставлять учениковъ груп-

пировать частные однородные факты въ отдѣлы, задавая учащимся общіе вопросы, напримѣръ: ученіе Іисуса Христа о Царствѣ Небесномъ на землѣ; отношеніе Іисуса Христа къ грѣшникамъ; власть Его надъ видимою природою; событія, въ которыхъ выразилось пророческое служеніе Христово, ученіе Христа о Своемъ Божествѣ и т. п. Мы не знаемъ, кому принадлежитъ честь составленія объяснительной записки, но мы твердо увѣрены, что тотъ человѣкъ не имѣлъ дѣла съ молодымъ поколѣніемъ, что у него не замѣтно педагогическаго опыта. Развѣ возможно предлагать такія требованія, какія рекомендуетъ записка къ юношамъ въ 15—17 лѣтъ? Вѣдь это не студенты духовной Академіи; это люди, которые еще не привыкли и выражаться вполне точно, а ихъ заставляютъ философствовать, имъ рекомендуютъ *на урокъ* предлагать такіе вопросы, на какіе и самъ преподаватель въ большинствѣ случаевъ затруднится дать *полный и обстоятельный* отвѣтъ. Да и практически такая постановка дѣла совершенно не примѣнима. Во-первыхъ, не во всѣхъ семинаріяхъ успѣваютъ пройти полный курсъ, и чаще ограничиваются только ветхозавѣтной исторіей. Во-вторыхъ, гдѣ и успѣваютъ пройти все, преподаватель не имѣетъ возможности приложить къ дѣлу совѣты объяснительной записки. При двухъ недѣльныхъ урокахъ въ учебную четверть насчитывается 16 учебныхъ часовъ. Полагая половину этого времени на объясненіе слѣдующаго урока учителемъ, мы имѣемъ въ распоряженіи 8 часовъ. Считая въ классѣ 30—40 человѣкъ, мы въ продолженіи четверти можемъ удѣлить каждому ученику 12—15 минутъ. Если предположить, что нѣкоторыхъ учениковъ необходимо спросить и не по одному разу, это количество еще сократится. А попробуйте въ 10 минутъ добиться отъ ученика 2-го класса — даже хорошаго — удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ объ ученіи Іисуса Христа о Царствѣ Небесномъ на землѣ, объ ученіи Христа о Своемъ Божествѣ?.. Не говоря объ урокахъ, даже для домашняго сочиненія такія темы будутъ непосильными большинству учениковъ.

Объяснительная записка какъ будто и сама сознаетъ, что зашла слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ, почему сразу за такими серіозными вопросами, она круто поворачиваетъ въ противоположную сторону. „При прохожденіи курса

библейской исторіи преподаватели не должны вдаваться въ критическое разсмотрѣніе частныхъ взглядовъ и толкованій послѣдователей отрицательнаго направленія“. Пользуясь такимъ предписаніемъ, можно всю науку свести на курсъ священной исторіи, какъ это и дѣлалось въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Ученіе о самостоятельномъ мірообразованіи лишь по законамъ, вложеннымъ въ природу Творцомъ, учение о самопроизвольномъ зарожденіи, взглядъ на библейскіе дни творенія, какъ на продолжительные періоды времени, возраженія противъ факта всемірности потопа и многое подобное—все это можно объявить отрицательнымъ направленіемъ (хотя многія изъ указанныхъ положеній имѣютъ за себя авторитетъ св. отцовъ) и потому все это вычеркнуть изъ курса.—Этимъ не ограничивается походъ записки противъ научности. Обращая вниманіе на библейскую хронологію, для семинарскаго курса она признаетъ достаточнымъ „изложить основанія системы греко-восточнаго исчисленія отъ сотворенія міра до Рождества Христова и установить по этой системѣ хронологическія даты“. Задача, такимъ образомъ, и здѣсь упрощается. Входить въ полемику съ хронологическими системами и останавливать вниманіе на частныхъ случаяхъ хронологическихъ библейскихъ недоразумѣній не рекомендуется, потому что это „не соотвѣтствуетъ потребностямъ семинарій, какъ средне-учебныхъ заведеній“. Намъ вообще часто рекомендуютъ, чтобы мы не увлекались, чтобы знали, что имѣемъ дѣло съ средней школой, а не высшей, что лекція для насъ дѣло недозволенное. Въ отношеніи къ преподаванію библейской исторіи мы съ этимъ вполне согласны. Какія могутъ быть лекціи для юношей, которымъ въ области знаній нужна еще „не твердая пища, а чистое словесное молоко“. Въ виду этого и самая библейская исторія, какъ наука, какъ учебный предметъ въ семинаріи, да еще во второмъ классѣ намъ кажется совершенно непримѣнимой. Какъ наука, она предъявляетъ къ занимающимся ею два требованія: критики и прагматизма. Семинаристъ второго класса не способенъ ни къ тому, ни къ другому. Его мышленіе въ формальномъ отношеніи еще не дисциплинировано, онъ еще не знакомъ съ основаніями логики, а отсюда и самостоятельность въ систематизаціи у него проявляется лишь въ зачаточной степени. (Между тѣмъ объяснительная

записка предполагаетъ у него развитіе этой способности въ широкой степени). Въ виду этого волей-неволей приходится библейскую исторію перевести на священную исторію, разбавленную кое-какими дополненіями. А такая постановка намъ кажется безцѣльной, напрасной тратой времени. Не худое дѣло, конечно, повторять (въ данномъ случаѣ священную исторію), но преступно заниматься пересмотромъ „задовъ“, когда отовсюду слышатся жалобы на недостатокъ учебныхъ часовъ, на необходимость всякую свободную минуту употребить на что либо болѣе существенное. А въ результатъ этихъ пересмотровъ бываетъ, что человѣкъ никакъ не можетъ припомнить, что Богъ сотворилъ въ первый день (припоминается то небо, то земля, то твердь), а другой—Корея, Дааана и Авирона почитаетъ языческими идолами. Не лучше ли бы посему всю библейскую исторію распредѣлить по другимъ предметамъ, при чемъ она почти и не отнимала бы тамъ особаго времени. Покрайней мѣрѣ двѣ трети программы и теперь входятъ въ курсъ Священнаго Писанія. Часть вопросовъ: о міротвореніи и мірообразованіи, о дняхъ творенія, о происхожденіи идолопоклонства, теократическій характеръ законодательства Моисея, истинная религія внѣ избраннаго народа Божія, іудейскія секты, іудеи разсѣянныя, всеобщее ожиданіе Спасителя—размѣщается по программамъ основного, догматическаго богословія, основаній философіи, церковной исторіи. Немногое недостающее можетъ быть отнесено къ Священному Писанію и при одномъ добавочномъ урокъ все это можетъ быть пройдено вполне успѣшно. А тѣ два недѣльныхъ часа, которые теперь тратятся на библейскую исторію, преподаватель Церковной исторіи съ гораздо большею пользою употребить на общую (одинъ часъ) и русскую (тоже одинъ) церковную исторію, гдѣ чувствуется въ томъ настоятельная нужда. Если же прибавить сюда, что къ преподавателю церковной исторіи въ недалекомъ будущемъ можетъ отойти еще исторія русскаго раскола, то можно вполне признать, что, и лишившись библейской исторіи, онъ не останется бездѣльникомъ....

Теперь нѣсколько словъ объ учебникѣ библейской исторіи. Официальнымъ учебникомъ до сей поры считается „Начертаніе церковно-библейской исторіи“ Архимандрита (Митроп. Московск.) Филарета. Уже одно заглавіе можетъ

смущать начинающаго изучать сію книгу. А когда онъ приступитъ къ чтенію первой страницы, то это смущеніе должно еще болѣе возрасти. Книга несомнѣнно умная, авторъ неизмѣримо выше нашей критики, но не нужно забывать, что книга будетъ праздновать скоро столѣтній юбилей (написана въ 1816 году). Ломоносовъ тоже безспорно былъ умный чело-вѣкъ, но заставлялъ учениковъ духовнаго училища учить его русскую грамматику было бы, конечно, жестокостью. Подобное и здѣсь. Если взрослому чело-вѣку трудно читать начертаніе, то для семинариста второго класса готовить нѣкоторые уроки по Филарету можетъ казаться дисциплинарнымъ взысканіемъ. Поэтому начертаніе, официально числясь учебникомъ (и нѣкоторые о.о. Ректоры рекомендуютъ преподавателю заниматься по нему), на практикѣ замѣняется другими авторами—или Елпидинскимъ, или Афанасьевымъ, или священной исторіей Богословскаго (оч. хорошей, но не отвѣчающей на всѣ вопросы программы), или чаще библейской исторіей Лоцухина. Эта болѣе приспособлена къ программѣ, болѣе содержательна, болѣе легка для запоминанія, но она поражаетъ своимъ весьма часто не нужнымъ много-словіемъ, неподходящимъ для учебника...

Итакъ, наше общее заключеніе сводится къ тому, что библейская исторія, какъ учебный предметъ является излишней въ духовныхъ семинаріяхъ. Мы не отрицаемъ ея значенія, какъ предмета высшей школы, но она непримѣнима для средняго учебнаго заведенія.

II. Относительно постановки предмета общей церковной исторіи въ семинаріи можно выразить два желанія: перенесеніе ея изъ III-го класса на V-й, по уставу 1867 года, и дополненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ программы и соотвѣст-ственно съ ней учебника.—Преподаваніе общей церковной исторіи въ III классѣ связывается съ большими затрудне-ніями. Едва ли нужно говорить о томъ, что курсъ III-го класса является и самымъ важнымъ и самымъ труднымъ изъ всей церковной исторіи. Этотъ курсъ предполагаетъ и знаніе философіи и отчетливое представленіе православныхъ догматовъ. Между тѣмъ воспитанники третьяго класса не знакомы ни съ тѣмъ, ни съ другимъ: философію они про-ходятъ въ IV классѣ, съ догматикой знакомятся въ V и VI классахъ. Отсюда, на преподавателя церковной исторіи

падаетъ не легкая задача заниматься самыми догмами, между тѣмъ какъ его непосредственной задачей является генезисъ этихъ догмъ, насколько онъ опредѣлялся въ различные эпохи въ зависимости отъ неправильныхъ воззрѣній и иновѣрія и инославія. По прежнему уставу преподаватель церковной исторіи могъ опираться на готовыя уже знанія воспитанниковъ, почерпнутыя ими изъ другихъ предметовъ, теперь онъ самъ долженъ составлять опору для другихъ. Ему волей-не волей приходится тратить время и энергію на изложеніе православнаго ученія о Троичности; говорить о взаимномъ отношеніи лицъ св. Троицы; трактовать православное ученіе о лицѣ Иисуса Христа, чтобы правильно оцѣнить аполлинаріанство, несторіанство, монофизитство и монофелитство; говорить объ отношеніи благодати къ свободѣ въ дѣлѣ спасенія человѣка, чтобы правильно понять пелагіанство, захватывать, хотя и въ краткомъ видѣ, почти всю сумму православнаго богословія, чтобы показать отступленіе отъ нормы католичества и протестантства. Притомъ ему много приходится удѣлять вниманія выясненію самыхъ терминовъ (*τό ὄν* и *ὁ ὢν*, *οὐσία* и *ἐκλόγισις*, *ἐκλόγισις* и *πρόβωλον* и др.). Будь это въ V классѣ, можно бы съэкономить половину времени. Теперь, когда люди не умѣютъ еще отличать представленія отъ понятія, это достигается совсѣмъ не легко. И объяснительная записка по общей церковной исторіи вполнѣ сознаетъ это. „При прежнему Уставѣ общую церковную исторію изучали воспитанники V класса, прошедшіе, достаточно серіозный для средняго учебнаго заведенія, курсъ наукъ философскихъ и потому болѣе зрѣлые умственно и болѣе способные къ пониманію преподаваемаго, чѣмъ воспитанники III-го класса; очень многое въ учебникѣ, не представлявшее трудности для усвоенія воспитаннику V класса, представляетъ не малую трудность для воспитанника III-го, даже IV-го класса, особенно въ ученіи объ ересьяхъ, равно какъ и догматахъ“. Дѣйствительно, обратите вниманіе, какъ изъ года въ годъ въ академическихъ отчетахъ о пріемныхъ экзаменахъ подчеркиваютъ, что особенно слабыми являются познанія (даже лучшихъ воспитанниковъ семинаріи) о сущности еретическихъ движеній. И это понятно; съ III-го класса воспитанникъ не занимается три года предметомъ и берется за него, когда надумаетъ вѣхать

въ Академію. И вотъ въ два мѣсяца надо проштудировать все Священное Писаніе, всю догматику, значительную часть Церковной исторіи и еще кое-что. Разумѣется, ему нѣкогда сосредоточиться, дѣло идетъ на-спѣхъ, онъ занимается больше многочисленными датами, чѣмъ самыми основоположеніями. И въ заключеніе этого даже у людей прилежно занимающихся иногда получается такой сумбуръ, что они рѣшительно теряются. Съ Русскою церковною исторіей подобное встрѣчается рѣдко; можетъ быть это потому, что она легче, а главнымъ образомъ, думаемъ, потому, что самыя знанія свѣжѣе. Объяснительная записка, сознавая трудность изученія церковной исторіи въ III классѣ, думаетъ помочь горю сокращеніемъ программы—отчасти на счетъ Библейской исторіи и Обличительнаго Богословія. Но фактически это мало помогаетъ дѣлу. Библейская исторія по нынѣшней программѣ имѣетъ слишкомъ мало соприкосновенныхъ пунктовъ съ общей церковною исторіей, при чемъ нѣкоторые вопросы и теперь почему-то разсматриваются и той и другою наукой (политическое и нравственное состояніе іудеевъ предъ пришествіемъ Христа Спасителя, всеобщее ожиданіе Спасителя). Одинъ пунктъ—объ Основателѣ христіанства—хотя и не рекомендуется объяснительной запиской проходить въ III классѣ, но это является дѣломъ необходимымъ, потому что Библейская исторія, занимаясь послѣдовательнымъ изображеніемъ жизни и ученія Іисуса Христа, не даетъ цѣльнаго, выразительнаго облика Господа Іисуса Христа.—Обличительное Богословіе, какъ наука, проходящая въ VI классѣ, также немного сокращаетъ Церковную Исторію; главнѣйшихъ пунктовъ исторіи ученія и управленія инославныхъ исповѣданій все равно и теперь въ церковной исторіи миновать нельзя. Остальныя сокращенія въ программѣ уже на счетъ самой церковной исторіи (см. о нихъ въ объяснительной запискѣ) несомнѣнно уменьшаютъ объемъ предмета, но если принять во вниманіе, что преподавателю придется сдѣлать много добавленій къ программѣ (объ этомъ подробно будемъ говорить сейчасъ ниже), то дѣло въ общемъ не только не уменьшится, но еще увеличится и въ немалой степени.

Что программа церковной исторіи нуждается въ дополненіяхъ, это врядъ ли возможно отрицать. Учебникъ нашъ

значительно устарѣлъ. Пользуясь данными современной науки, преподаватель въ большинствѣ параграфовъ найдетъ случай сдѣлать добавленія или поправки. Указывать здѣсь всѣ таковыя случаи нѣтъ нужды. Посему, соблюдая возможную краткость, мы намѣтимъ хотя бы то нѣкоторые пункты, каковыми намъ кажется необходимымъ расширить семинарскій учебникъ. Въ § 3 учебника (изданіе 7-ое 1901 года) желательно ввести краткій очеркъ исторіи церковной исторіи—сначала на востокъ, потомъ на западъ—въ Германіи преимущественно, причемъ здѣсь можно бы помѣстить краткую характеристику главнѣйшихъ церковно-историческихъ школъ. Въ § 6 слѣдуетъ ввести отдѣлъ о культѣ цезарей, потому что онъ имѣлъ большое вліяніе на судьбу перваго христіанства; изъ-за него, по замѣчанію одного историка, едва ли не больше всего пролито крови христіанской. Затѣмъ здѣсь же необходимо переработать отдѣлъ о философскихъ школахъ и о филонизмѣ въ виду того, что христіанство съ формальной стороны и въ ученіи и въ жизни въ нѣкоторыхъ пунктахъ очень походитъ на воззрѣнія этихъ школъ (ученіе о Логосѣ у Филона, ученіе о Троичности у неоплатониковъ и др.). Всю апостольскую исторію лучше проходить непосредственно по книгѣ Дѣяній. Нынѣшній учебникъ совсѣмъ не освѣщаетъ факта обращенія ап. Павла и излишне кратко излагаетъ его путешествія. Въ § 15 желательно расширеніе свѣдѣній о разрушеніи Іерусалима—фактъ и самомъ по себѣ не безъинтересномъ и важномъ въ томъ отношеніи, что теперь еще больше обострились отношенія христіанства съ іудействомъ и язычники имѣли возможность выдѣлить христіанство изъ этого послѣдняго, чтобы потомъ открыть противъ него преслѣдованіе. Отдѣлъ о причинахъ гоненій на христіанъ со стороны язычников (§ 16) лучше бы передѣлать по сочиненію проф. А. П. Лебедева: „Эпоха гоненій“. По этому же изслѣдованію лучше бы проходить о Септиміи Северѣ, Декіи Траянѣ, Валеріанѣ Галліенѣ и о Миланскомъ эдиктѣ. Личность и обращеніе императора Константина освѣщается такъ же недостаточно. Ученіе іудействующихъ и антитринитаріевъ (§§ 32 и 35) изложены смутно, краткость здѣсь мѣшаетъ основательности. Отдѣлы о просвѣщеніи (§ 38, 39, періодъ второй § 27, 28, 29, 30, 31 и др.) необходимо переработать заново. Тепереш-

няя постановка ихъ ниже всякой критики. вмѣсто живыхъ лицъ мы здѣсь наблюдаемъ однѣ схемы; вмѣсто ознакомленія съ твореніями церковныхъ писателей встрѣчаемъ голый перечень сочиненій, который только особая настойчивость преподавателя заставляетъ умѣститься въ головахъ воспитанниковъ для того, чтобы, по минованіи учебнаго года, забыть безслѣдно; вмѣсто обстоятельныхъ характеристикъ литературной дѣятельности св. отцовъ и учителей церкви мы имѣемъ здѣсь одни только замѣчанія самаго общаго свойства. Такъ и чувствуется, что изучаешь формуляры, на которыхъ рукой властнаго лица сдѣланы помѣты: поведенія очень одобрительнаго, произнесъ двадцать три проповѣди собственнаго сочиненія. Всякая исторія литературы предполагаетъ знакомство съ самыми произведеніями писателей. Поэтому приходится пожалѣть о томъ, что изъ семинарскихъ наукъ исключена патристика. У насъ въ рѣдкость выходятъ воспитанники семинаріи, которые бы по своей волѣ были освѣдомлены съ отеческой письменностью. У большинства воспитанниковъ царить господствующее заблужденіе объ этой письменности, какъ о чемъ то слишкомъ скучномъ, не интересномъ, не важномъ, вродѣ тощихъ многочисленныхъ въ нашу пору сборничковъ проповѣдей. Когда люди бываютъ поставлены въ необходимость ближе познакомиться съ твореніями св. отцовъ, они поражаются богатствомъ содержанія, часто изяществомъ языка, глубиной богословствованія, обширностью разнообразныхъ знаній. Тогда невольно является ропотъ на школу, которая не сдумѣла во время познакомить ихъ съ этимъ богатствомъ, не сдумѣла заинтересовать ихъ. Объяснительная записка, очевидно чувствуя недостаточность учебника въ данномъ отношеніи, „рекомендуетъ преподавателямъ сообщать учащимся болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и писаніяхъ и вообще о заслугахъ для церкви ея св. отцовъ и учителей“. Совѣтъ добрый. Рекомендовать вообще легче, чѣмъ осуществлять рекомендованное. Преподавателя заставляютъ пройти сполна всю программу, ему волей-неволей приходится спѣшить, миновать подробности, даже и существенныя. Затѣмъ, не всякій располагаетъ временемъ выдавать записки ученикамъ по своему предмету, а одно говореніе большею частію приноситъ слишкомъ мало пользы... Въ этомъ отдѣлѣ о

церковной письменности мы должны указать еще на отсутствіе свѣдѣній о далеко немаловажныхъ памятникахъ и церковныхъ писателяхъ. По понятнымъ соображеніямъ, въ учебникѣ ни слова объ „ученіи двѣнадцати апостоловъ“, но совсѣмъ непонятно, почему удѣлено слишкомъ мало вниманія Елифанію Кипрскому (въ исторіи св. Златоуста 4 строчки ¹⁾) и Макарію Египетскому (въ исторіи монашества 2 строчки). Неужели и тотъ и другой являются менѣе замѣчательными, чѣмъ Руфинъ, Беда, Икуменій? Вообще, говоримъ, весь патристическій отдѣлъ необходимо кореннымъ образомъ переработать. §§ 55 и 56 нуждаются въ дополненіи. Въ первомъ желательно кромѣ чисто историческихъ свѣдѣній о спорахъ по поводу крещенія еретиковъ, указать догматическія и каноническія основанія для этихъ споровъ. Во второмъ параграфѣ слѣдуетъ ввести отдѣлъ о расколѣ Ипполита и Каллиста и можетъ быть не лишне было бы изложить воззрѣнія на святость церкви Кипріана съ одной стороны и Стефана съ другой. Это бы освѣтило и расколъ Новаціанъ и Донатистовъ. Литературная борьба язычества съ христіанствомъ и отвѣтъ на нее со стороны христіанскихъ писателей (§ 6 второго періода) можетъ быть интересной только тогда, когда будетъ привлечена къ дѣлу самая литература (разумѣется въ важнѣйшихъ отрывкахъ) по данному вопросу съ той и другой стороны. Въ § 11 слѣдовало бы добавить о заблужденіяхъ Маркелла Анкирскаго и Фотина Сирмійскаго, въ виду того, что эти имена не въ рѣдкость встрѣчаются въ полемической литературѣ IV и V вѣка. Въ отдѣлѣ о несторіанствѣ и монофизитствѣ (§ 14 и 16) дается слабая характеристика и личности и воззрѣній ересіарховъ: вообще догматическая сторона еретическихъ доктринъ и скудна по содержанію и иногда не точна. Было бы желательно введеніе въ программу особаго пункта объ анализѣ халкидонскаго вѣроопредѣленія. Понятія о вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ (§ 37) совершенно не дается и это тѣмъ необходимѣе

1) Въ первыхъ изданіяхъ учебника объ этомъ отцѣ были болѣе обстоятельныя рѣчи въ отдѣлѣ объ оригенизмѣ, и приходится пожалѣть, что этотъ немаловажный вопросъ вычеркнуть изъ современной программы, между тѣмъ какъ съ нимъ связана церковная дѣятельность императора Юстиніана Великаго вообще и исторія пятаго вселенскаго собора до нѣкоторой степени въ частности.

отмѣтить, что и Основное Богословіе, гдѣ есть нарочитый отдѣлъ о вселенскихъ соборахъ, въ виду трудности вопроса, не дастъ удовлетворительнаго отвѣта. Въ отдѣлѣ о монашествѣ (§ 46) можно бы ввести вопросъ о самостоятельности его въ христіанствѣ въ виду нѣкоторыхъ сходныхъ явленій и въ языческихъ религіяхъ и въ философскихъ школахъ (неоплатонизмъ) и въ еврейской практикѣ (ессен и верапевты). Отдѣлъ о способахъ содержанія восточнаго духовенства послѣ взятія Константинополя (§ 16-й четвертаго періода) необходимо пересоставить по новѣйшимъ даннымъ касательно этого вопроса, по даннымъ, которыя далеко не сходятся съ содержаніемъ нашего учебника. Да и все положеніе христіанства подъ властію турокъ въ первоначальную пору не представляется ужъ столь безотраднымъ, какъ это показано въ учебникѣ г. Смирнова. Въ § 22 не лишне добавить объ энцикликѣ Льва XIII о соединеніи церквей. Кромѣ того здѣсь, или въ другомъ какомъ мѣстѣ не худо бы дать обстоятельную характеристику личности и дѣятельности двухъ послѣднихъ папъ Пія IX и Льва XIII, вслѣдствіе большого интереса, какой возбуждали эти личности къ себѣ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ изложеніи лютеранскаго ученія (§ 34) необходима большая систематичность и желательно указать здѣсь историческіе поводы для религіознаго протеста Лютера. Отношенія папства къ католическимъ государствамъ (§ 48) можно бы закончить современными событіями во Франціи (борьба съ конгрегаціями, политика Комба; вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства). Новые догматы въ католичествѣ (§ 50) и старокатоличество, полагаемъ, настолько важныя явленія въ современномъ христіанскомъ мірѣ, что имъ можно бы удѣлить и побольше вниманія. Обличительное богословіе, располагающее однимъ урокомъ въ недѣлю, не въ состояніи дать обстоятельную картину этихъ явленій. Оно, сообразно съ своей задачей, будетъ преслѣдовать не фактическую сторону дѣла, а теоретическую. Правда, объяснительная записка, повидимому, не склонна удѣлять католичеству особаго вниманія. Она рекомендуетъ преподавателямъ обращать больше вниманія на восточную церковь, чѣмъ на западную, и на эту послѣднюю обращать вниманіе постольку, поскольку можно доказать ея отступленіе отъ вселенской истины и правды; словомъ, совѣтуется

преслѣдовать больше не интересы историческаго знанія, а интересы вѣроисповѣдныя. Но преподаватель въ данномъ случаѣ поставленъ въ большое затрудненіе. Какъ можно при изложеніи жизни христіанскихъ церквей сравнивать и даже отдать преимущество восточной церкви по отношенію къ Западной, когда эта послѣдняя, несомнѣнно, значительно богаче фактическимъ содержаніемъ, чѣмъ церковь восточная (за исключеніемъ Русской) послѣднихъ двухъ періодовъ. Думается, что на этотъ разъ можно бы оставить интересы конфессіональные и преслѣдовать одни только историческія знанія.

Мы полагаемъ дѣломъ нужнымъ остановить вниманіе еще на одномъ указаніи объяснительной записки. „Рекомендуется, чтобы наставники церковной исторіи при преподаваніи уроковъ по прилагаемой программѣ постоянно преслѣдовали одну цѣль: доказать историческими фактами истину догматовъ и учрежденій православной церкви, въ полемическія разсужденія не вдавались, а спокойно, ясно и отчетливо раскрывали историческія данныя съ предуказанною цѣлію такъ, чтобы заключеніе слѣдовало само собою и ученики сами могли видѣть, гдѣ истина“. Что преслѣдуется этимъ совѣтомъ: тенденціозность, или научное безпристрастіе? Можно признать послѣднее, если при этомъ не имѣется въ виду другая цѣль: доказать неправоту инославныхъ исповѣданій *во всѣхъ сферахъ ихъ церковной жизни*. Допустимъ, идетъ рѣчь о католичествѣ. Разумѣется, когда говорятъ о новыхъ догматахъ католичества, тогда неистинность ихъ видна сама собою. Но совсѣмъ другое дѣло, когда объявляютъ новшествомъ и всѣ учрежденія въ практикѣ Римской церкви только потому, что они отличны отъ нашихъ, хотя бы то имѣли за собою гораздо раннѣйшее происхожденіе, чѣмъ наши учрежденія. Тогда, конечно, будетъ преслѣдоваться уже не истина, а что то другое. А что подобное бываетъ, въ этомъ не трудно убѣдиться. Мы часто смотримъ на вещи не правильно, сквозь призму своихъ нажитыхъ предразсудковъ. Отсюда, все, что наше, хорошо и истинно, что чужое, то худо и не истинно. Развѣ въ рѣдкость встрѣтить мнѣніе, что и открытый алтарь, и престолъ, приставленный къ стѣнѣ, а не стоящій среди алтаря, и кое-что другое—все это мудрованіе Римской церкви, не имѣющее за собою первохристіан-

ской древности. Усердіе излишнее, вовсе не оправдываемое исторіей. Мы часто плохо преслѣдуемъ основное требованіе исторіи—беспристрастность изслѣдованія. Трепеща постоянно за свое православіе, мы приносимъ истину въ жертву человѣческой угодливости и, что всего прискорбнѣе, часто нѣтъ рѣшительно никакихъ поводовъ для этихъ страховъ за свое православіе. Бывали случаи—грѣхъ таить это,—когда мы шли на историческіе подлоги, отрицали дѣйствительные факты, чтобы доказать свои предзанятія мнѣнія. Мы плохо сознавали, что этимъ оказываемъ дѣлу медвѣжью услугу. Истина не нуждается въ гнилыхъ подпоркахъ, говорилъ одинъ ученый историкъ, а у насъ этихъ гнилыхъ, сомнительныхъ подпорокъ было достаточно и изъ-за нихъ мы многое теряли... Прочтите внимательно нашъ учебникъ общей церковной исторіи, да и не одинъ только учебникъ. Васъ невольно поразитъ то обстоятельство, что ни объ одномъ еретикѣ вы не встрѣтите добраго отзыва. И неразумны они были, а если ужъ учености ихъ отрицать нельзя, то будутъ доказывать, что умъ то у нихъ былъ не на то направленъ, на что слѣдуетъ, что и зловерные они были, и безнравственные—словомъ самые послѣдніе люди. А между тѣмъ за ними шли тысячи. Передъ однимъ благоговѣть значительная часть общества (Несторій), даже оказываются внимательными дикіе варвары. Законоположеніями другого (Льва Исавра) восхищается современная наука, а между тѣмъ у 95⁰/₀ семинаристовъ объ этомъ государѣ существуетъ представленіе только какъ о грубомъ солдатѣ—невѣжѣ. Обращаютъ вниманіе только на фактъ иконоборчества, и не хотятъ видѣть причинъ, побуждавшихъ къ этому иконоборчеству. Усматриваютъ только недомысліе и жестокость и закрываютъ глаза на то, что свыше 300 епископовъ высказываются на соборѣ 754 года въ духѣ того императора. Тутъ было, несомнѣнно, заблужденіе, люди пошли дальше, чѣмъ сколько нужно было идти, а идти все же дѣйствительно было нужно, потому что иконопочитаніе у нѣкоторыхъ граничило съ суевѣріемъ, а у людей невѣжественныхъ даже съ идолопоклонствомъ. Мы говоримъ все это къ тому, чтобы показать, какъ иногда мало въ нашемъ учебникѣ преслѣдуется историческая правда. Какъ мы свысока относимся ко всѣмъ заблужденіямъ, забывая ту истину, что всѣмъ лю-

дямъ свойственно ошибаться; какъ мы ради одного худого дѣла не хотимъ видѣть въ человѣкѣ его очевидныхъ добродѣтелей. Въ насъ мало чувства человѣчности, мало духа любви къ обезсиленному врагу, много жестокости, много мщенія. Пишущій эти строки желаетъ, чтобы будущая объяснительная записка рекомендовала преподавателямъ больше всего преслѣдовать справедливость и правдивость, чтобы ученики и въ еретикѣ научились уважать человѣка, если онъ того заслуживаетъ, чтобы они—ученики ненавидѣли ересь, но щадили еретика, какъ говорилъ св. Златоустъ: чтобы—съ другой стороны,—когда будутъ изучать жизнь отцовъ церкви, и на нихъ смотрѣли трезво, и въ нихъ видѣли *людей*—великихъ, праведныхъ, но не абсолютно святыхъ (таковъ одинъ Богъ), каковыми они рисуются въ нашихъ учебникахъ, чтобы ради этой праведности не замалчивались и прегрѣшенія, паденія этихъ отцовъ, если это помогаетъ освѣщенію историческихъ фактовъ. Когда-то профес. протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ вполне справедливо настаивалъ на такой постановкѣ дѣла. Не слѣдуетъ бояться, что отъ этого пострадаетъ наше православіе, напротивъ, оно повысится въ своей цѣнности, его станутъ еще сильнѣе уважать, только побольше искренности, честности. Худое дѣло либеральничанье — особенно въ религіозной сферѣ, но не лучше и консерватизмъ сомнительнаго качества. Исторія должна быть прежде всего исторіей, а не повѣдью, не миссіонерскою бесѣдою...

III. Относительно преподаванія русской церковной исторіи мы можемъ сказать немного. Программа этого предмета, по нашему мнѣнію, можетъ быть признана вполне достаточной. Учебникъ П. В. Знаменскаго по своимъ научнымъ достоинствамъ явленіе исключительное среди другихъ семинарскихъ учебниковъ. Здѣсь и полнота свѣдѣній и изящество изложенія. Молодой преподаватель встрѣтитъ больше всего на этомъ предметѣ затрудненій сказать ученикамъ что-либо существенно новое. Онъ можетъ, конечно, увеличить объемъ нѣкоторыхъ параграфовъ по большимъ курсамъ и спеціальнымъ изслѣдованіямъ, но открытіями онъ врядъ ли будетъ удивлять часто. Въ заслугу автору должна быть поставлена и его чрезвычайная осторожность. Онъ не рѣшается окончательно вычеркнуть или измѣнить даже та-

кія свѣдѣнія, подлинность которыхъ теперь энергично отрицается наукой (напр., о путешествіи въ Россію Ап. Андрея, объ Антоніи Римлянинѣ). Одно слѣдуетъ сказать: учебникъ все же весьма труденъ по особенному обилію датъ. Конечно, пользуясь позволеніемъ объяснительной записки, можно дѣлать сокращенія учебника, но на практикѣ это связывается иногда съ недоразумѣніями. Мнѣ—преподавателю извѣстные факты могутъ казаться неважными, моему начальству или товарищу, ассистирующему у меня на экзаменѣ, можетъ казаться противное. И на этой почвѣ возможны всегда осложненія. Разумѣется, это мелочи, но, къ сожалѣнію, изъ этихъ мелочей складывается добрая половина нашей жизни... Какъ на болѣе существенное затрудненіе при прохожденіи русской церковной исторіи, мы должны указать на самый распорядокъ учебнаго матеріала. Предметъ положено проходить въ два года: въ V классѣ при двухъ урокахъ и въ VI при одномъ урокѣ. Въ первый годъ назначено проходить до учрежденія патріаршества (по учебнику 1—225 стр.) и это вполне можно успѣть. Во второй годъ съ патріаршества и до конца исторіи (226—484 стр.). Для одного урока это слишкомъ непосильно. Посему большинство преподавателей, пользуясь синодальнымъ циркуляромъ, проходятъ часть и патріаршаго періода въ V классѣ. И все-таки въ VI классѣ проходить остальное обременительно. Да мы и вообще противъ преподаванія какого бы то ни было предмета при одномъ урокѣ въ недѣлю. Представьте, что въ нынѣшнемъ учебномъ году мнѣ будетъ назначенъ урокъ въ VI классѣ или въ понедѣльникъ, или въ субботу. Въ слѣдствіе обилія праздниковъ въ эти дни у меня урокъ можетъ иногда прилучиться черезъ три недѣли. Не знаемъ, нужно ли доказывать нерациональность такого порядка. Въ виду этого, было бы желательно, чтобы новая реформа прибавила еще одинъ урокъ на русскую церковную исторію и одинъ урокъ на общую исторію съ тѣмъ, чтобы и тотъ и другой предметъ приблизительно пополамъ проходились въ V и VI классѣ.

Въ заключеніе мы хотѣли бы отмѣтить еще одно желаніе. Собственный опытъ показалъ намъ, что ученики охотно занимаются самыми историческими памятниками. Къ сожалѣнію, таковые не всегда имѣются подъ руками у преподавателя. Польза таковыхъ занятій не можетъ подлежать оспа-

риванію. Посему было бы желательно составленіе церковно-исторической хрестоматіи, въ которой бы нашли мѣсто лучшіе (характерные) отрывки изъ святоотеческихъ твореній, акты и правила (въ выдержкахъ) соборовъ, символы и вѣроопредѣленія, грамоты и посланія, отрывки изъ литературы и христіанской и нехристіанской, но касающейся церкви. Это бы дало богатый запасъ знаній воспитанникамъ, тѣмъ болѣе цѣнный, что онъ добытъ путемъ непосредственнаго ознакомленія съ источниками. Составить хорошую хрестоматію дѣло нелегкое и кто принять бы на себя эту задачу, тому сказали бы искреннее спасибо многіе преподаватели.

Иванъ Фигуровскій.
